

ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ

Авторы: Н. З. Гаджиева

ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ, ветвь [алтайских языков](#). Распространены в большинстве государств быв. СССР, в Турции, Иране, Афганистане, Монголии, Китае, Румынии, Болгарии и Албании; см. также [Тюрки](#).

Формированию отд. нац. Т. я. предшествовали многочисл. и сложные миграции их носителей. По совр. географии распространения выделяются Т. я. следующих ареалов: Средней и Юго-Вост. Азии, Юж. и Зап. Сибири, Волго-Камья, Сев. Кавказа, Закавказья и Причерноморья. В [тюркологии](#) имеется неск. классификационных схем. В. А. [Богородицкий](#) разделял Т. я. на 7 групп: северо-восточную [[якутский язык](#), карагаский яз. (совр. назв. — [тофаларский язык](#)) и [тувинский язык](#)]; хакасскую (абаканскую), в которую включались сагайский, кызыльский говоры хакаского населения региона; алтайскую с южной ([алтайский язык](#) и [телеутский язык](#)) и северной (диалекты т. н. черневых татар и некоторые др.) ветвями; зап.-сибирскую, куда включены все диалекты сибирских татар (см. [Сибирско-татарский язык](#)); поволжско-приуральскую (тат. яз. и [башкирский язык](#)); среднеазиатскую ([уйгурский язык](#), [казахский язык](#), [киргизский язык](#), [узбекский язык](#), [каракалпакский язык](#)); юго-западную ([туркменский язык](#), [азербайджанский язык](#), [кумыкский язык](#), [гагаузский язык](#) и [турецкий язык](#)). Лингвистич. критерии этой классификации не отличались достаточной полнотой и убедительностью, так же как и чисто фонетич. признаки, положенные в основу классификации В. В. [Радлова](#), выделявшего 4 группы: восточную (языки и диалекты алт., обских, енисейских тюрков и чулымских татар, карагасов, хакасов, [шорский язык](#) и тув. яз.), западную (наречия татар Зап. Сибири, кирг., казах., башк., тат. и, условно, каракалпакский языки), среднеазиатскую (уйгурский и узб. языки) и южную (туркм., азерб., тур. языки, некоторые южнобережные говоры [крымско-татарского языка](#)); якут. яз. Радлов выделял особо. Ф. Е. [Корш](#), впервые привлёкший в качестве оснований для классификации морфологич. признаки, допускал, что Т. я. первоначально разделялись на сев. и юж. группы; позднее юж. группа распалась на восточную и западную. В уточнённой схеме, предложенной А. Н. [Самойловичем](#) (1922), Т. я. распределены на 6 групп: р-группа, или болгарская (в неё включался также и [чувацкий язык](#)); д-группа, или уйгурская, иначе северо-восточная (помимо др.-уйгурского в неё вошли тув., тофаларский, якут., хакасский языки); тау-группа, или кыпчакская, иначе северо-западная (тат., башк., казах., кирг. языки, алт. яз. и его диалекты, [карачаево-балкарский язык](#), кумыкский, крымскотатарский языки); таг-лык-группа, или чагатайская, иначе юго-восточная (совр. уйгурский язык, узб. яз. без его кыпчакских диалектов); таг-лы-группа, или кыпчакско-туркменская (промежуточные говоры — хивинско-узбекские и хивинско-сартские, утратившие самостоят. значение); ол-группа, иначе юго-западная, или огузская (тур., азерб., туркм. языки, южнобережные крымско-татарские диалекты).

В дальнейшем предлагались новые схемы, в каждой из которых была попытка уточнить распределение языков по группам, а также включить [древнетюркские языки](#). Так, напр., Г. Й. Рамстедт выделяет 6 осн. групп: чуваш. яз.; якут. яз.; сев. группа (по М. Рясянену — сев.-восточная), к которой отнесены все Т. я. и диалекты Алтая и прилегающих районов; зап. группа (по Рясянену — северо-западная) — кирг., казах., каракалпакский языки, [ногайский язык](#), кумыкский, карачаевский, балк. языки, [караимский язык](#), тат. и башк. языки, к этой же группе

отнесены и мёртвые куманский и кыпчакский языки; вост. группа (по Рясянену – юго-восточная) – новоуйгурский и узбекский языки; юж. группа (по Рясянену – юго-западная) – туркм., азерб., тур. и гагаузский языки. Некоторые вариации подобного типа схем представляет классификация, предложенная И. Бенцингом и К. Г. Менгесом. В основе классификации С. Е. [Малова](#) лежит хронологич. признак: все языки делятся на «старые», «новые» и «новейшие».

Принципиально отличается от предыдущих классификация Н. А. Баскакова; согласно его принципам, классификация Т. я. есть не что иное, как периодизация истории развития тюрк. народов и языков во всём многообразии возникавших и распадавшихся мелких родовых объединений первобытного строя, а затем крупных племенных объединений, которые, имея одно происхождение, создавали общности, различные по составу племён, а следовательно, и по составу племенных языков.

Рассмотренные классификации, при всех их недостатках, помогли выявить группы Т. я., генетически связанных наиболее близко. Обосновано особое выделение чуваш. и якут. языков. Для разработки более точной классификации необходимо расширение набора [дифференциальных признаков](#) с учётом чрезвычайно сложного диал. членения Т. я. Наиболее общепринятой схемой классификации при описании отд. Т. я. остаётся схема, предложенная А. Н. Самойловичем.

Типологически Т. я. относятся к [агглютинативным языкам](#). Корень (основа) слова, не будучи отягощён классными показателями (классного деления имён существительных в Т. я. нет; см. [Классы именные](#)), в им. п. может выступать в чистом виде, благодаря чему становится организующим центром всей парадигмы склонения. Аксиальная структура парадигмы, т. е. такая, в основе которой лежит один структурный стержень, оказала влияние на характер фонетич. процессов (тенденция к сохранению чётких границ между [морфемами](#), препятствие к деформации самой оси парадигмы, к деформации основы слова и т. д.). Спутником [агглютинации](#) в Т. я. является [сингармонизм](#).

Наличие гармонии гласных и связанное с ней противопоставление переднеязычных согласных заднеязычным, отсутствие в исконно тюрк. словах сочетаний нескольких согласных в начале слова, на стыках морфем или в абсолютном исходе слова, особая типология слогов обуславливают относит. простоту дистрибутивных отношений фонем в тюрк. языках.

Более последовательно проявляется в Т. я. гармония по признаку палатальности-непалатальности; ср. тур. ev-ler-in-de 'в их домах', карачаево-балк. «бар-ай-ым» 'пойду-ка' и т. п. Губной сингармонизм в разл. Т. я. развит в разной степени.

Существует гипотеза о наличии для раннего общетюркского состояния 8 гласных фонем, которые могли быть краткими и долгими: а, е, о, у, ё, ү, ы, и. Спорным является вопрос, было ли в Т. я. закрытое «е». Характерной особенностью дальнейшего изменения др.-тюрк. [вокализма](#) является утрата долгих гласных, охватившая большинство Т. я. Они в осн. сохранились в якут., туркм., халаджском языках; в др. Т. я. сохранились лишь их отд. реликты.

В тат., башк. и др.-чуваш. языках произошёл переход «а» в первых слогах мн. слов в лабиализованное, отодвинутое назад а°; ср. *«кара» 'чёрный', др.-тюрк., казах. «кара» – тат. «ка́ра»; *«ат» 'лошадь', др.-тюрк., тур., азерб., казах. «ат» – тат., башк. «а́т», и т. д. Произошёл также переход «а» в лабиализованное «о», типичный

для узб. языка; ср. *«баш» 'голова' – узб. «бош». Отмечается умлаут «а» под влиянием «и» следующего слога в уйгурском яз. («ети» 'его лошадь' вместо «аты»); сохранилось краткое ә в азерб. и новоуйгурском языках (ср. *кәл- 'приходи', азерб. гәл-, уйгурское кәл-), тогда как ә>«е» в большинстве Т. я. (ср. тур. gel-, ногайское, алт., кирг. кел- и пр.). Для тат., башк., хакас. и отчасти чуваш. языков характерен переход «э»>«и»; ср. *«әт» 'мясо' – тат. «ит». В казах., каракалп., ногайском и карачаево-балкарском языках отмечается дифтонгоидное произношение (см. Дифтонг) некоторых гласных в начале слова, в тув. и тофаларском языках – наличие фарингализов. гласных.

Т. н. огузские языки допускают звонкие смычные в анлауте; кыпчакские языки допускают смычные в этой позиции, но глухие смычные преобладают.

В процессе изменений согласных в Т. я. звуки с более или менее сложной артикуляцией подвергались упрощению или превращались в звуки др. качества: исчезли билатеральный «л» и межзубный «з»; велярный «к» в ряде языков превратился в обычный среднеязычный «к» или «х» (ср. *«кара» 'чёрный', орхонское «кара», казах., каракалп., карачаево-балк., уйгурское «кара» – тур. kara, чуваш. «хура»). Распространены случаи озвончения согласных в интервокальной позиции (характерные для чуваш. яз. и в особенности для Т. я. Сибири), многочисл. ассимиляции согласных, особенно в аффиксах, переход «к»>«ч» и «т»>«ч» перед гласными переднего ряда (ср. в диалектах азерб., тур., уйгурского языков: «чим»<«ким» 'кто'). Наблюдаемое во многих Т. я. изменение начального й- в аффрикату также объясняется внутр. закономерностями развития Т. я. Ср. *«йәр» 'земля', азерб. «йәр», кирг. «жер» (где «ж» обозначает звонкую аффрикату), хакас. «чир», тув. «чер». В др. случаях изменения звуков могут возникать под воздействием соседних неродств. языков: таковы радикальное изменение тюрк. консонантизма в якутском, а также в известной мере в чувашском, появление придыхат. смычных в некоторых Т. я. Кавказа и Сибири.

Категория имени во всех Т. я., кроме якутского, имеет 6 падежей. Им. п. не маркирован, род. п. оформляется показателями -ын/-ин, -ың /-иң, вин. п. – -ы/-и, -ны/-ни (в некоторых языках наличествуют аффиксы род. п. и вин. п. с начальным -н), дат.-направит. п. – -қа/-гә, -а/-ә, местный п. – -та/-тә, -да/-дә, исходный п. – -тан/-тән, -дан/-дән; в языках, где развиты процессы ассимиляции, имеются варианты аффикса род. п. -тың/-дың, аффикса вин. п. -ты/-ды и т. п. В чуваш. яз. в результате ротацизма -з- в интервокальном положении возникли варианты исходного и местного падежей -ра и -ран; дат.-вин. п. в этом языке совмещён в одном показателе -а/-е, -на/-не.

Во всех Т. я. мн. ч. выражается при помощи аффикса -лар/-ләр р, за исключением чуваш. яз., где эту функцию имеет аффикс -сем. Категория посессивности передаётся при помощи системы личных аффиксов, присоединяемых к основе.

В состав числительных входят лексич. единицы для обозначения чисел первого десятка, для чисел 20, 30, 40, 50, 100, 1000; для чисел 60, 70, 80 и 90 употребляются сложные слова, первая часть которых представляет фонетически видоизменённые названия соответствующих единиц первого десятка. В некоторых Т. я. образовалась иная система обозначения десятков по схеме «название единицы первого десятка + "он" 'десять'»; ср. хакас. алт-он 'шестьдесят', якут. түөрт уон 'сорок'.

Указат. местоимения в Т. я. отражают 3 плана расположения предметов в пространстве: ближайший к говорящему (напр., тур. bu, чуваш. «ку» 'этот'), более удалённый (тур. şu, кирг. «ошол» 'вот тот'), наиболее удалённый (тур. «о», кирг. «ал» 'тот').

Парадигма личных местоимений включает формы трёх лиц ед. ч. и мн. ч.; при их склонении в ряде языков происходят изменения гласного основы в дат.-направит. падеже ед. ч.; ср. тур. ben 'я' – bana 'мне', кирг. «мен» 'я' – «мага» 'мне' и т. д.

Существует 2 основы вопросит. местоимений; ср. узб., ногайское «ким» 'кто', «кимлар» 'кто' (по отношению к лицам), «нима» 'что', «нималар» 'что', ногайское «не» 'что' (по отношению к предметам).

В основе возвратных местоимений лежат самостоят. имена существительные. Напр. «өз» 'нутро, сердцевина' (в большинстве языков), азерб., кирг. «өзүм» 'я сам'; в шорском, хакас., тув., алт. и тофаларском языках соответственно используется слово со значением 'тело' (ср. шорское «позым», тув. «бодум», алт. «бојым» 'я сам'), в якут. яз. – слово «бээйээ» 'тело' («бэйэм» 'я сам'), в тур. и гагаузском языках – слово kendi (тур. kendim 'я сам') и т. д.

В системе спряжения глагола актуализуются 2 типа личных окончаний. Первый тип – фонетически видоизменённые личные местоимения – выступает при спряжении глаголов в наст. и буд. вр., а также в перфекте и плюсквамперфекте. Второй тип окончаний, связанный с притяжат. аффиксами, используется в прош. вр. на -ды и условном наклонении.

Наиболее распространена форма наст. вр. на -а, имеющая иногда и значение буд. вр. (в тат., башк., кумыкском, крымско-татарском языках, в Т. я. Ср. Азии, диалектах татар Сибири). Во всех Т. я. имеется форма наст.-буд. времени на -ар/-ыр. Для тур. яз. характерна форма наст. вр. на -уог, для туркм. яз. – на -йар. Форма наст. вр. данного момента на -макта/-махта/-могда встречается в тур., азерб., узб., крымско-татарском, туркм., уйгурском, каракалп. языках. В Т. я. проявляется тенденция к созданию особых форм наст. вр. данного момента, образуемых по модели «деепричастие на а- или -ып + форма наст. вр. определённой группы вспомогат. глаголов».

Общeturкская форма прош. вр. на -ды отличается семантич. ёмкостью и видовой нейтральностью. В развитии Т. я. постоянно проявлялась тенденция к созданию прош. времён с видовыми значениями, в особенности обозначающих длительное действие в прошлом (ср. неопределённый имперфект типа караимского «алыр едим» 'я брал'). Во многих Т. я. (в осн. кыпчакских) существует перфект, образуемый путём присоединения личных окончаний 1-го типа (фонетически видоизменённых личных местоимений) к причастию на -кан/-ган.

Этимологически родств. форма на -ан существует в туркм. яз. и на -ны – в чуваш. яз. В языках огузской группы распространён перфект на -мыш, в якут. яз. этимологически родств. форма на -быт. Плюсквамперфект имеет ту же основу, что и перфект, сочетаемую с формами основ прош. вр. вспомогат. глагола «быть».

Во всех Т. я., кроме чуваш. яз., для буд. вр. (наст.-буд.) существует показатель -ыр/-ар. Для огузских языков характерна форма будущего категорического времени на -аджак/-ачак, она распространена также в некоторых языках юж. ареала (узб., уйгурском).

Помимо изъявительного, в Т. я. имеются желат. наклонение с наиболее распространёнными показателями -гай (для кыпчакских языков), -а (для огузских языков), повелительное со своей парадигмой, где чистая основа глагола выражает повеление, обращённое ко 2-му лицу ед. ч., условное, имеющее 3 модели образования с особыми показателями [-са (для большинства языков), -сар (в орхонских, др.-уйгурских памятниках, а также в тюрк. текстах 10–13 вв. из Вост. Туркестана, из совр. языков в фонетически трансформиров. виде сохранилась

только в якутском), -сан (в чуваш. яз.); долженствоват. наклонение встречается гл. обр. в языках огузской группы (ср. азерб. «кәлмәлијеем» 'я должен прийти').

Т. я. имеют действительный (совпадающий с основой), страдательный (показатель -л, присоединяемый к основе), возвратный (показатель -н), взаимный (показатель -ш) и понудительный (показатели разнообразны, наиболее часты -дыр/-тыр, -т, -ыз, -гыз) залого.

Глагольная основа в Т. я. индифферентна к выражению вида. Видовые оттенки могут иметь отд. временные формы, а также особые сложные глаголы, видовую характеристику которым придают вспомогат. глаголы.

Отрицание в Т. я. имеет разл. показатели для глагола (аффикс -мә-ба) и имени (слово «дейил» 'нет', 'не имеется' для огузских языков, «эмес» в том же значении для кыпчакских языков).

Модели образования осн. типов словосочетаний (как атрибутивных, так и предикативных) в Т. я. едины: зависимый член предшествует главному. Характерная синтаксич. категория в Т. я. – узафет: этот тип отношений между двумя именами пронизывает всю структуру тюрк. языков.

Именной или глагольный тип предложения в Т. я. определяется характером грамматич. выражения сказуемого. Модель простого именного предложения, в котором предикативность выражается аналогами связки (аффиксами сказуемости, личными местоимениями, разл. предикативными словами), является общетюркской. Количество объединяющих Т. я. типов глагольного предложения с морфологич. опорным членом относительно невелико (форма прош. вр. на -ды, наст.-буд. время на -а); большинство типов глагольного предложения складывалось в зональных общностях (ср. закрепившийся за кыпчакским ареалом тип глагольного предложения с формирующим членом на -ган или тип с формирующим членом на -мыш, свойственный огузскому ареалу, и т. п.). Простое предложение в Т. я. – преобладающая синтаксич. структура; оно стремится включить в себя такие заменители придаточных предложений, структура которых не противоречила бы правилам его построения. Разл. подчинит. отношения передаются причастными, деепричастными, глагольно-именными конструкциями. В строе Т. я. были заложены условия и для развития союзных предложений. В развитии сложных предложений союзного типа сыграло известную роль влияние араб. и перс. языков. Постоянный контакт носителей тюрк. языков с русскими также способствовал развитию союзных средств (напр., в тат. яз.).

В словообразовании Т. я. преобладает аффиксация. Существуют также способы аналитич. словообразования: парные имена, редупликация, составные глаголы и т. д. (см. Аналитизм).

Древнейшие памятники Т. я. датируются 7 в. (см. Древнетюркские языки). Письменность всех Т. я. СССР с кон. 1930 – нач. 1940-х гг. была основана на рус. графике, с 1990-х гг. часть Т. я. стран быв. СССР перешла на латиницу. Тур. яз. пользуется алфавитом на лат. основе.

Об изучении Т. я. см. в ст. Тюркология.

Литература

Лит.: Мелиоранский П. М. Араб филолог о турецком языке. СПб., 1900; Grønbech K. Der türkische Sprachbau. Kbh., 1936. Bd 1; Gabain A. Alttürkische Grammatik. 2. Aufl. Lpz., 1950; Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951; Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание. 2-е изд. Казань, 1953; Brockelmann C. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954; Исследования

по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1955–1962. Ч. 1–4; Räsänen M. R. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. Hels., 1957; Philologiae Turcicae fundamenta. Wiesbaden, 1959–1964. Vol. 1–2; Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. 2-е изд. М., 1969; он же. Историко-типологическая фонология тюркских языков. М., 1988; Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970–1981. Ч. 1–3; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика / Под ред. Э. Р. Тенишева. М., 1984; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / Под ред. Э. Р. Тенишева. М., 1988; Языки мира: Тюркские языки. М., 1997; Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. 3-е изд. М., 2010.

Словари: Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974–1980. Т. 1–3.